

Век XX будет, по мнению евразийцев, звездным часом идеократических движений [40]. Государство идеократии, т. е. государство, управляемое идеей, воплощенной в форму власти,— такова, по их мнению, примета новой исторической эпохи, и с этой реальностью нельзя не считаться.

Но идеократия большевиков — это мнимая идеократия, основанная на насильственном внедрении господствующего типа идеологии в умы и на репрессивно-террористическом навязывании этой идеологии большинству населения. Большевицкая идеократия — это уродливая идеократия, не отвечающая к тому же коренным интересам России и не учитывающая ее веками сложившихся национальных и исторических традиций. Большевики всегда смотрели на Россию всего лишь как на экспериментальное поле для осуществления европейских социологических идей. «Одним из результатов этой заразы явились теперешние социалистические опыты, проводимые над Россией коммунистами, квинтэссенцией русского западничества» [41].

Идеократия тоталитарной структуры власти как уродливая мнимая форма идеократии должна быть преодолена иной всеобъемлющей идеей, ибо эта черта новой исторической эпохи: только великие идеи, пронизывающие все сферы жизни, способны вывести мир из кризиса. Такой идеей, преодолевающей большевизм, мыслилась русским философам идея России — Евразии, пронизанная соборным началом, собирательным для нации и собирающим все другие нации в единое геополитическое целое. «Родится новая евразийская правда... Евразийство отвергает воззрения коммунистов на историю и утверждает свою теорию исторического процесса», — заявляли евразийцы [42].

Идеи евразийцев, их философская концепция и политическая программа, равно как и их оценка итогов и перспектив русской революции, вызвали бурные дискуссии в кругах русской зарубежной общественной мысли. Наиболее острая и оживленная полемика развернулась на страницах журналов «Путь» (Париж, 1921—1929) и «Современные записки» (Париж, 1920—1938).

Концепция евразийцев оказалась как бы между двух огней: их критиковали и справа и слева. Правые, монархические круги русской эмиграции, группировавшейся вокруг журналов «Двуглавый орел» (Берлин—Париж, 1919—1926), «Вестник Высшего Монархического Совета» (Париж, 1924—1928) и др., были недовольны попыткой евразийцев дать объективную оценку русской революции, понять ее причины, истоки и исторический смысл. Негодовали они и на их «симпатии» большевикам, отвергали их критику петербургской России и бюрократической империи Николая II и Александра III.

По убеждению правомонархических кругов, революция в России была не чем иным, как результатом заговора иностранных держав и деятельности «чужеродных» элементов внутри самой России. Она воспринималась как катастрофа и только как катастрофа. Стремление увидеть в трагедии революции глубокий историософский смысл было им совершенно чуждо. Концепция «единой и неделимой» Евразии, которую многие леволиберальные круги критиковали как раз за ее «имперский» смысл, как это ни парадоксально, вызвала резкий отпор именно у приверженцев «единой и неделимой» России. Столь же парадоксальным было отвержение правонационалистическими кругами русской эмиграции центрального тезиса евразийской программы: по их мнению, спасителем человечества могла быть только реальная русская нация, а не гипотетическая евразийская. В кругу этих нападок справа более сочувствующую позицию занял разве что «Вестник русского национального комитета» (Париж, 1921—1928) под редакцией А. В. Карташева [43].

Леволиберальные круги во главе с убежденным западником П. Н. Милюковым, главным оппонентом евразийских семинаров в Париже и наиболее радикальным противником и критиком евразийства, усмотрели в концепции «святой Руси» простое возрождение славянофильских воззрений и обрушились на них именно как на неославянофильство. С легкой руки Милюкова оценка евразийства как